

Пепел и КРОВЬ

Максим Тихонов

18+

Параллельный мир

Максим ТИХОНОВ

Пепел и кровь

«Автор»

2026

Тихонов М.

Пепел и кровь / М. Тихонов — «Автор», 2026 — (Параллельный мир)

Алексей не собирался становиться героем. У него были долги, больная мать и работа, от которой тошнило. Но когда древняя печать пала, магия вернулась в мир — вместе с монстрами, войной и теми, кто ждал этого тысячу лет. Теперь города горят. Мёртвые встают. Боги тянут руки к людям. А в руке у Алексея — клинок, который делает его опаснее с каждым боем. Вот только плата за силу — человеческое. Страх. Жалость. Память. Себя. Он ещё не знает, что в этой войне главный враг — не тот, кто идёт снаружи. Вопрос только в том, сколько себя он сможет сохранить, когда за него начнут решать другие. А Пока Алексей пытается остаться человеком, в руинах Каира поднимается тот, кто уже давно перестал им быть.

Содержание

Введение	5
Глава 1. Долги	9
Глава 2. «Песок и тени»	15
Глава 3 Зиккурат	26
Глава 4 Последствие	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Тихонов

Пепел и кровь

Введение

Император Вейн стоял на руинах столицы, сжимая окровавленный клинок.

Некогда сердце великой империи, теперь она умирала у него на глазах. Белый камень дворцов почернел от копоти, мраморные лестницы были завалены телами, а между развалинами струился дым – густой, маслянистый, будто сама земля истекала сожжённой плотью. Вдалеке рушились башни, и каждый такой грохот отзывался в груди тупым ударом, словно ломался не город, а кости мира.

Дарги шли в последний штурм.

О них веками говорили шёпотом, как о племени, не знающем ни жалости, ни страха. Но действительность оказалась хуже древних сказаний. Высокие, горбатые, покрытые тусклым хитином, они напоминали порождения кошмара, вылепленные из кости, крыльев и голода. Их длинные конечности сгибались под немыслимыми углами, когти вспарывали бронзу так же легко, как плоть, а узкие глаза мерцали в дыму мертвенно-зелёным светом.

Но страшнее всего была не их сила.

Дарги не сражались, как прочие твари или народы. Между ними текла невидимая связь – древняя и безмолвная. Стоило одному заметить слабинку, и другие уже били туда же. Стоило одному погибнуть, и стая меняла строй так, будто смерть лишь передавала приказ дальше по цепи. Их натиск не был яростным. Он был точным. Безличным. Нечеловеческим.

И этот натиск уже почти сломил мир.

Горели города. Чернели сады. Реки несли пепел и трупы. Храмы, где веками звучали гимны богам, стояли разорёнными, с оплавленными алтарями и разбитыми статуями. Магия, некогда державшая границы мира, дрожала и рвалась, как истончившаяся ткань.

Оставался лишь последний обряд.

Где-то впереди, за стеной огня и дыма, поднимался зиккурат – древний, ступенчатый, старше самой империи. Его террасы уходили в багровое небо, а тёмные стены, покрытые трещинами и следами копоти, казались частью не рукотворного строения, а самой судьбы, поднимающейся из земли. На вершине ждало святилище, где должна была сомкнуться последняя печать.

Тридцать два храма уже принесли свои жертвы.

Восемь Волков – великие хранители, призванные Анубисом в помощь людям в ту далёкую эпоху, когда магия ещё была даром, а не угрозой, – отдали силу и свободу, чтобы стать живыми узлами печати. Их имена почти стёрлись из памяти выживших, но души не исчезли. Они были закованы в руны, в цепи, в само основание мира, чтобы удержать то, что нельзя убить.

Оставался девятый.

Умбрис.

Хранитель Теней. Чёрный волк, рождённый не только от плоти, но и от самой глубины сумерек. Последний из великих стражей. Друг императора, его спутник в походах, свидетель побед и единственный, кто оставался рядом теперь, когда рушилось всё остальное.

А после него – сам Вейн.

Их жертва должна была стать искрой, которая приведёт в движение весь каскад печатей и навеки затворит магию этого мира.

– Вперёд! – крикнул Вейн, и его голос перекрыл гул битвы.

Умбрис рванулся первым.

Огромный волк пронёсся сквозь дым, и тьма вокруг него ожила. Казалось, тени сами подхватывают его, несут над завалами и телами, обтекают копья, когти и огонь. Следом шёл император со своими последними гвардейцами – людьми, у которых на доспехах не осталось живого места, но в глазах ещё держался упрямый свет.

Дарги ударили с двух сторон.

Крылатые силуэты ринулись сверху, с хриплым свистом рассекая дымный воздух. Щиты магов лопались один за другим. Люди падали, не успевая даже вскрикнуть. Один из даргов врезался в строй, разорвав двух воинов так легко, будто это были не закованные в броню бойцы, а тряпичные куклы. Вейн шагнул навстречу и рассёк тварь от плеча до брюха, но на её место уже шли другие.

Они учились прямо в бою.

Предугадывали замах. Обходили защиту. Били не туда, где стоял враг, а туда, где он окажется через мгновение.

– Они читают нас! – крикнул кто-то из гвардейцев. – Тогда не давайте им времени читать! – рывкнул Вейн.

Умбрис взвыл.

Тени под ногами даргов вспучились и выстрелили вверх чёрными копьями. Несколько тварей взвизгнули и рухнули, пробитые насквозь. В строю врага на миг открылась брешь.

– На прорыв!

Они ворвались в неё, как последние живые в мире.

Ступени зиккурата были скользкими от крови и пепла. Вейн взбежал по ним, чувствуя, как за спиной умирают его люди. Один за другим. Без криков. Без надежды. Он не оглядывался. Император не имел права оглядываться в такой час.

На верхней площадке стояло маленькое святилище из тёмного камня. Дверной проём светился изнутри слабым золотистым мерцанием.

– Держите подступы, пока всё не кончится, – приказал Вейн.

Никто не ответил, но ему и не требовались слова. Те, кто дошёл сюда вместе с ним, и без того знали цену последних минут.

Он вошёл внутрь.

В центре зала горела печать – круг древних рун, высеченных в камне ещё в эпоху, когда боги говорили с царями, а магия текла по земле, как вода по рекам. Свет рун был неровным, тревожным, будто сама печать чувствовала приближение конца.

Воздух дрожал. Тени на стенах шевелились, хотя ветер сюда не проникал.

– Ты готов, Умбрис? – тихо спросил Вейн.

Волк подошёл ближе и склонил голову. Его шерсть колыхалась, словно под невидимым течением.

– Да, мой император. Но ты знаешь, чего это будет стоить. Когда печать сомкнётся, мир ослепнет. Люди останутся без магии. Без щита. Без памяти о том, кем были.

Вейн устало усмехнулся.

– Если мы ничего не сделаем, у людей не останется даже права бояться будущего.

Снаружи донёсся грохот. Что-то огромное ударило в стены зиккурата.

Император поднял взгляд к тёмному своду.

– Мы проиграли эту войну, Умбрис. Мир уже треснул. Всё, что мы можем теперь, – не дать ему рухнуть целиком.

Волк долго смотрел на него своими бездонными глазами.

– А если они забудут? – спросил он наконец. – Если выжившие сотрут всё это, спрячутся в неведении и растратят купленное тобой время впустую?

На этот раз Вейн молчал дольше.

– Тогда однажды им придётся платить снова, – сказал он.

Печать под ногами вспыхнула ярче.

Руны загорелись, словно расплавленное золото. Свет пополз по камню, по стенам, по клинку в руке императора, и в тот миг Вейн вдруг понял: древние мастера не зря называли подобные обряды не заклинанием, а приговором.

– Прощай, друг, – прошептал он.

Умбрис вскинул голову и издал протяжный, рвущий душу вой.

Чёрное пламя охватило его тело. Великий волк начал таять, уменьшаться, рассыпаться не пеплом, а тенями и светом. Его сущность растекалась по полу, вплетаясь в печать, в руны, в камень, в самую тьму между символами. Зал дрогнул.

Вейн поднял меч.

Это было его оружие, его спутник, память обо всех войнах, через которые он прошёл. На клинке ещё не успела остыть кровь даргов, а теперь ему предстояло вобрать в себя нечто куда большее.

Когда ритуал коснулся его души, боль оказалась невыносимой.

Не в теле – глубже.

Словно из него вырывали саму суть, слой за слоем, имя за именем, клятву за клятвой. Он видел, как серебристое сияние его души отделяется от плоти, тянется к клинку и вплетается в чёрный металл, оставляя тело пустой оболочкой.

Меч завис в воздухе, дрожа от заключённой в нём силы.

Тело императора рухнуло на каменный пол.

Клинок медленно опустился в центр печати.

Свет вспыхнул так ярко, что на мгновение исчезли и стены, и свод, и сам мир. Осталась лишь ослепительная белизна, в которой умирала одна эпоха и рождалось забвение.

А потом всё стихло.

Печать застыла.

Теперь её держала не только древняя магия, но и воля тех, кто добровольно стал её узником.

Лишь тот, в чьих жилах течёт кровь Вейна, сможет разомкнуть печать.

Лишь его потомок поднимет меч.

Лишь тогда магия вернётся в мир – вместе со всем, что было заточено вместе с нею.

И магия ушла.

Дарги, отрезанные от своей силы, от своего мира и от той связи, что делала их единым воинством, начали падать. Одни умирали, другие дичали, третьи бросались друг на друга, будто сама их природа расползалась по швам. Но победа людей уже не была победой. Это было лишь право уцелеть среди руин.

Прошли века.

Потом тысячелетия.

Люди забыли магию. Забыли даргов. Забыли императора, который купил им будущее ценой собственной души. Города древности ушли под песок, храмы обратились в прах, а память стала сказкой, в которую уже не верили даже рассказчики.

Но Умбрис помнил.

Он больше не был живым существом в прежнем смысле. Не был и мёртвым. Он стал тенью при печати, сторожем при клятве, голосом при молчании. Веками он чувствовал, как мир слабеет, как людские царства грызутся за остатки ресурсов, как потомки спасённых рсточают время, купленное такой страшной ценой.

Они должны были стать сильнее.

Должны были подготовиться.

Должны были встретить новое вторжение не как стадо, а как народ, переживший конец света.

Но люди выбрали забвение.

Печать трещала.

Мир, лишённый магии, уже не держал равновесия так, как прежде. И если однажды она падёт сама – без руки наследника, без воли, без подготовки, – хлынувшая обратно сила разорвёт всё живое куда страшнее любой древней войны.

Долго ждать больше было нельзя.

– Хватит, – прошелестел Умбрис в пустоте.

Его голос давно не был звуком. Скорее, это было движение самой тени среди камня и песка.

Если потомки Вейна не пришли к печати сами, значит, за ними придёт он.

Глава 1. Долги

Наше время. Российская империя.

Дрожь в руке была предательской.

Я целился Артуру прямо в переносицу, но ствол табельного пистолета всё равно мелко подрагивал, выдавая не ярость, а отчаяние. Не то отчаяние, что толкает на подвиг, а то, после которого люди либо стреляют, либо ломаются.

Артур это видел.

Он сидел в кресле за своим безвкусно дорогим столом так, будто был не ростовщиком под боярской крышей, а человеком, которому принадлежит весь этот этаж, весь дом, вся улица и, если понадобится, ещё пара чужих жизней в придачу. Красное дерево, глянцевые панели, тяжёлые шторы, бронзовые статуэтки, ковёр такой мягкий, что, кажется, даже кровь на нём впитывалась бы бесшумно. Всё здесь кричало о власти, нажитой не честью, а страхом.

– Стреляй, – сказал он спокойно.

Голос у него был ровный, почти ленивый, будто мы обсуждали погоду, а не то, останется ли он жить в ближайшие пять секунд.

Он медленно вдохнул, сцепил пальцы на животе и поднял на меня холодные серые глаза.

– Только учти, Лёх: твой выстрел не отменит долг. И от Долгоруких он тебя тоже не спасёт.

Я молчал.

Сердце колотилось так, будто пыталось пробить грудную клетку и сбежать раньше меня. Во рту пересохло. В ушах шумело. И всё же палец на спуске не нажимал.

Артур усмехнулся краем рта.

– Чем ты вообще думал, когда ехал сюда с пушкой? – Он лениво обвёл рукой кабинет. – Это тебе не участок и не казарма, где можно что-то решить криком, званием или дурной отвагой. Здесь другие правила.

Он был прав, и от этого хотелось выстрелить ещё сильнее.

Я видел перед собой не просто жирного ублюдка с деньгами и крышей. Я видел человека, который спокойно поставил цену на мою мать, мою квартиру, мою службу и весь остаток моей жизни. Человека, для которого чужая беда была всего лишь удобной таблицей платежей.

Секунда.

Ещё одна.

Потом я медленно выдохнул и убрал пистолет в кобуру под курткой.

На лице Артура появилась довольная улыбка хищника, которому даже не пришлось встать, чтобы убедиться в собственном превосходстве.

– Так-то лучше, – сказал он. – А теперь давай как взрослые люди. Что у тебя?

– У меня нет денег, – ответил я.

Собственный голос показался чужим – хриплым, сдавленным.

Я провёл ладонью по лицу, опустил взгляд и, помедлив, добавил:

– Более того... мне нужен ещё один заём.

Артур чуть приподнял бровь. Это было почти незаметное движение, но в нём было больше насмешки, чем в любом смехе.

– Даже так?

Я кивнул.

– Моей матери нужно лечение. Срочное. За границей. Сумма большая. Я... – Я осёкся, потому что оправдания уже звучали жалко даже для меня самого. – Я сорвался. Пока ехал сюда, думал, что, если уберу тебя, всё закончится. А потом понял, что этим только подпишу себе приговор.

– Наконец-то здравые мысли, – мягко сказал Артур. – Ты молодой сержант инспекционной службы. У тебя ещё вся жизнь впереди. И ты ведь прекрасно понимаешь: пристрели ты меня прямо тут, мои покровители достали бы тебя хоть из монастыря, хоть с каторжной шахты, хоть из чужой империи. Такие люди не прощают ударов по репутации.

– Знаю.

– Тогда хорошо, что в голове у тебя осталось хоть что-то, кроме паники.

В кабинете повисла тишина.

Где-то в углу мерно тикали напольные часы. Слишком громко. Слишком спокойно. Будто это не я стоял на грани, а само время терпеливо ждало, когда я подпишу себе новый срок.

Артур откинулся в кресле и некоторое время смотрел на меня так, словно прикидывал не кредитный риск, а рыночную стоимость моей души.

– Ладно, – произнёс он наконец. – Давай так. Я даю тебе ещё две недели. До зарплаты. Вносишь платёж – продолжаем говорить. Проценты за этот месяц... так и быть, срежем. Считай это жестом доброй воли.

Он сделал паузу, наслаждаясь собственным великодушием.

– Что касается нового займа...

Артур открыл ящик стола, достал плотную кожаную папку и с глухим шлепком положил её на лакированную поверхность.

– Это можно устроить. Под залог квартиры.

Я почувствовал, как внутри что-то холодно сжалось.

Квартира была последним, что у нас оставалось настоящего. Не роскошью, не наследством – просто местом, где ещё пахло домом, лекарствами и тем упрямым теплом матери, которое умеют хранить стены, когда весь мир уже разваливается.

Артур заметил это и чуть смягчил голос – ровно настолько, чтобы звучать почти по-человечески.

– Только, если честно, я бы тебе не советовал, Лёша. Иногда лучше остановиться. Не всё можно выкупить деньгами. Не каждую болезнь можно победить. Даже государи умирают.

Он подтолкнул папку ближе ко мне.

– Возьми. Изучи спокойно. Придёшь, когда решишь.

Я взял документы, чувствуя, как пальцы становятся чужими и тяжёлыми.

Сказать было нечего. Благодарить – мерзко. Угрожать – бессмысленно. Я просто кивнул и развернулся к двери.

– Лёха.

Я остановился.

– В следующий раз приходи без оружия, – сказал Артур уже совсем другим тоном: мягким, но металлическим. – Ещё одна такая выходка, и тебя не станут искать. Даже мать не успеет понять, куда ты делся.

Я не ответил.

Просто вышел, и тяжёлая дверь за моей спиной закрылась беззвучно, как крышка дорогого гроба.

Секретарша за стойкой подняла на меня взгляд. Молодая, аккуратная, с идеально собранными волосами и лицом человека, который давно научился ничему не удивляться. Но глаза её выдали: в них мелькнуло что-то между страхом и профессиональной пустотой. Наверное, здесь все рано или поздно учились смотреть на чужое унижение как на часть рабочего процесса.

Она тут же опустила взгляд к экрану.

Я прошёл мимо.

Лифт вёз меня вниз целую вечность. В полированном металле дверей отражалось моё лицо – серое, усталое, с ввалившимися глазами и щетиной человека, который давно не спал нормально, а теперь ещё и чуть не стал убийцей.

На улице меня ударило жаром.

После прохлады офиса летний воздух показался почти враждебным – плотный, пыльный, с примесью бензина, раскалённого асфальта и чего-то кислого, городского, въевшегося в лёгкие. Я сделал несколько шагов к своей старой машине и вдруг почувствовал это.

Взгляд.

Тяжёлый. Неподвижный. Настолько явственный, что затылок будто налился жаром.

Я резко обернулся.

На бордюре, в двух шагах от меня, сидел волчонок.

Чёрный, как уголь после дождя. Шерсть на солнце отливала синевой, а глаза горели ровным тёмно-красным светом – не звериным, не бешеным, а слишком осмысленным для обычной твари. Он не скалился, не рычал, не двигался. Просто смотрел.

Я бы, наверное, решил, что схожу с ума, если бы не одна деталь.

Прохожие его не замечали.

Люди обходили это место: кто-то чуть менял траекторию, кто-то морщился, будто наткнулся на сквозняк, но никто не посмотрел прямо на зверя. Никто не замедлил шаг. Никто даже не удивился.

Я стоял и чувствовал, как холодеет спина.

– Какого чёрта... – выдохнул я.

Волчонок не шевельнулся.

Я моргнул, потом ещё раз, медленно провёл ладонью по лицу и крепко зажмурился.

Переутомление. Нервы. Недосып. После такого разговора и не такое привидится.

Когда я открыл глаза, бордюр был пуст.

Только трещина в асфальте. Бумажный стаканчик, прижатый к краю ливнёвки ветром. И больше ничего.

– Прекрасно, – пробормотал я. – Уже звери мерещатся.

Я сел в машину, захлопнул дверь и несколько секунд просто сидел в тишине.

Снаружи всё было как обычно: гудки, голоса, скрежет шин, чей-то смех, шипение открывающихся дверей автобуса. Но сквозь это привычное городское месиво уже просачивалось другое чувство – как будто день треснул, и в щель начало заглядывать что-то чужое.

Я резко повернул ключ зажигания.

Двигатель кашлянул и завёлся. Из колонок после нажатия кнопки полился тихий джаз – нелепо спокойный, почти издевательский на фоне того, что творилось у меня внутри.

Я тронулся с места.

Город плыл мимо серыми кварталами, знакомыми светофорами, облупленными фасадами, шиномонтажами, магазинами с выцветшими вывесками и вечными маршрутами людей, у которых, в отличие от меня, возможно, ещё оставалась иллюзия, будто жизнь движется внятно и по правилам. Я вёл почти на автомате. Руки помнили дорогу лучше головы.

Минут через двадцать впереди показалось старое жёлтое здание моего участка – первый этаж панельного дома, где мне отвели крошечный кабинет для бумажной работы, мелких проверок и дел, которыми наверху никто не хотел заниматься лично. Во дворе, как всегда, кричали дети, на лавках сидели бабки, у подъезда курил местный слесарь в майке и с таким видом, будто именно он здесь и есть закон.

Я заглушил мотор и остался сидеть ещё с минуту.

Иногда мне казалось, что этот кабинет – единственное место, где я вообще существую. Не как сын, должник или расходный материал имперской машины, а просто как человек, которого оставили в покое. А иногда – что это камера, только с письменным столом вместо решётки.

Я поднялся к себе, открыл дверь и сразу почувствовал знакомый запах бумаги, пыли и перегретой проводки.

Кинул ключи на стол, опустился в кресло и наконец посмотрел на папку, которую всё это время держал под мышкой.

Кожа была дорогая, плотная, с тиснением – явно не под мой уровень. Не та вещь, которую ростовщик должен раздавать направо и налево клиентам с просрочкой.

Я нахмурился.

Развязал шнурки, раскрыл папку – и в первую секунду даже не понял, на что смотрю.

Сверху лежал лист с грифом: «Совершенно секретно. Объект “Гранит”»

Я замер.

Потом резко выпрямился и начал читать.

Доклад был коротким, сухим, составленным военным или человеком, который слишком давно работает с закрытыми материалами, чтобы удивляться хоть чему-то. Разведка аномальной зоны. Пустыня. Координаты. Ступенчатое сооружение размерами шестьдесят на шестьдесят метров. Аномальные магнитные колебания. Отказ компасов. Искажения радиосигнала. Локальные провалы памяти у свидетелей. Местные легенды о запретном месте.

Зиккурат.

Слово обожгло сознание.

Ниже шли фотографии.

Песок. Камень. Полузасыпанные ступени. Барельефы, больше похожие не на древность, а на следы какой-то слишком чужой геометрии. Потом – дверь. Массивная, тёмная, почти литая, покрытая узорами. И в центре – выемка сложной формы, явно предназначенная под ключ. Согласно историческим данным, здесь хранились древние артефакты. Даже по самым осторожным оценкам аналитика, исходя из истории объекта и предполагаемой редкости находок, речь могла идти о миллионах долларов.

Я почувствовал, как ладони становятся влажными.

Почему эта папка у меня?

Почему Артур отдал её мне?

Он что, действительно перепутал документы?

Нет. Такой человек не путает документы. Такие люди ошибаются только тогда, когда за ошибкой уже кто-то должен умереть.

Я перечитал первую страницу ещё раз.

Каждое слово пахло бедой.

Это были не просто чьи-то грязные схемы и не очередная боярская махинация с рудниками, землёй или оружием. Это был материал такого уровня, за который людей не увольняют и не сажают. За такое исчезают целыми семьями.

По спине побежал холод.

Я уже собирался схватить телефон и подумать, кому можно это показать, когда за окном что-то грохнуло.

Створка распахнулась с такой силой, будто в неё снаружи ударили ломом.

В кабинет ворвался ветер.

Не обычный сквозняк, а резкий, злой, ледяной – совершенно невозможный в этот душный летний день. Бумаги взлетели со стола, закружились в воздухе, стакан с карандашами опрокинулся, старый плакат на стене сорвало с кнопки.

Я вскочил, рванулся к окну и с трудом захлопнул раму.

Стекло дрожало под ладонями.

Несколько секунд я стоял, упершись в него лбом, пытаюсь выровнять дыхание, а потом обернулся.

Пол был засыпан листьями.

Чертыхнувшись, я опустился на корточки и начал собирать документы. Руки снова дрожали – то ли от злости, то ли уже от чего-то другого. Я поднимал лист за листом, сгребал их в

стопку не разбирая и только когда подобрал последний, понял, что в кабинете стало слишком тихо.

На столе лежал бронзовый диск.

Я замер.

Его там не было.

Минуту назад стол был пуст – если не считать бумаг, стакана и моего служебного хлама. Теперь посреди столешницы лежал круглый предмет размером с ладонь: тёмный, тяжёлый на вид, весь покрытый тонкой вязью узоров. Девять символов по кругу тускло отсвечивали зеленоватым, будто металл хранил в себе старый, почти умерший свет.

Я медленно подошёл ближе.

Диск был холодным.

Не прохладным, а именно холодным – как будто его только что достали из погребка или могилы.

– Что за...

Слова застряли в горле.

Разум тут же попытался выстроить спасительную ложь: выпал из папки, завалился под бумаги, я его просто не заметил. Да. Конечно. Именно так.

Я почти с яростью развернул фотографию двери из досье и бросил её рядом.

Пальцы онемели.

Выемка в центре каменной створки повторяла форму диска до последней линии.

Это был ключ.

Я поднял глаза к окну – и на мгновение увидел между домами, в узком просвете двора, две тёмно-красные точки.

Волчонок.

Он стоял в тени, неподвижный, как вырезанный из ночи силуэт, и смотрел прямо на меня.

Я моргнул – и он исчез.

Комната вдруг стала слишком тесной.

Я достал сигарету, прикурил с третьей попытки и жадно затянулся. Горький дым царапнул горло, но хотя бы вернул ощущение тела, веса, привычной грязной реальности.

Нужно было думать.

На самом деле всё уже было ясно.

Артур не мог позволить, чтобы такой документ ушёл на сторону. Его покровители – тем более. Если папка действительно попала ко мне случайно, то жить мне осталось недолго. А если не случайно, значит, я уже в чужой игре – и всё ещё хуже.

Я сел за стол, глядя то на фотографии, то на ключ.

В груди медленно поднималось страшное, ледяное понимание.

Мне некуда идти.

В канцелярию – нельзя. К сослуживцам – нельзя. Домой – тем более нельзя.

Если за мной придут, они придут сначала туда.

Я представил мать в нашей квартире – бледную, уставшую, пытающуюся улыбаться даже тогда, когда ей больно. Представил людей Артура у двери. И понял, что с этой минуты уже не имею права быть рядом с ней.

От этой мысли стало почти физически трудно дышать.

Я открыл ноутбук.

Экран загорелся тусклым прямоугольником в полумраке кабинета.

Билеты.

Горящие рейсы. Заграница. Любое место, где можно исчезнуть хотя бы на несколько дней.

Но взгляд всё равно возвращался к фотографиям зиккурата.

Ключ лежал рядом, тяжёлый, как чужая воля.

Если всё это правда, в пустыне может быть нечто настолько ценное, что это изменит всё. Не просто покроет долг. Не просто купит лечение. А вырвет меня из той ямы, в которой я уже почти захлебнулся.

Безумие.

Чистое, самоубийственное безумие.

Но все остальные варианты вели к одному и тому же: меня найдут, раздавят и закопают так глубоко, что никто никогда не спросит, куда делся сержант Алексей Вейн.

Я замер.

То ли усталость играла с сознанием, то ли после волчонка и странного ключа мозг уже сам искал знаки там, где их не было.

Я сжал переносицу.

Хватит.

Нужен был не смысл. Нужен был выход.

Я нашёл рейс до Каира.

Почему именно туда, вопроса почти не возникло. Потому что там была папка. Там был зиккурат. Там был шанс. И потому, что любая другая дорога сейчас вела лишь к медленной, предсказуемой гибели.

Палец завис над кнопкой оплаты.

Я сделал последнюю затяжку, вдавил окуроч в переполненную пепельницу и несколько секунд просто смотрел на бронзовый диск.

Потом нажал.

С этого момента назад дороги уже не было.

Глава 2. «Песок и тени»

Первый шаг по трапу – и жара ударила мне в лицо, будто я не вышел из самолёта, а сунул голову в раскалённую печь.

Воздух здесь был другим. Не просто тёплым – густым, тяжёлым, вязким. Он пах жареным мясом, раскалённым металлом, пряностями, выхлопом, потом, пылью и чем-то ещё – чужим, терпким, словно сам город веками варился под этим солнцем в собственных запахах. Свет бил сверху так яростно, что хотелось опустить глаза и идти на ощупь.

Я остановился у подножия трапа, чувствуя, как рубашка уже липнет к спине.

Османская империя.

Каир.

Я и раньше видел восточные города на открытках, в сводках, на старых архивных снимках, но всё это не имело ничего общего с тем, что встретило меня на самом деле. Здесь всё казалось чрезмерным: солнце – слишком ярким, улицы – слишком шумными, толпа – слишком живой, а я сам – слишком чужим.

«Ну вот ты и долетел, идиот», – подумал я, шурясь.

Обратной дороги уже не было. Даже если бы я в ту же минуту купил билет назад, на родине меня ждали не спасение и не ясность, а только вопросы, на которые я не мог ответить, и люди, которые не стали бы слушать объяснений.

У выхода из терминала ко мне почти сразу прилип таксист – молодой, загорелый, в выцветшей футболке с английской надписью и с улыбкой человека, который за день обрабатывает сотню таких растерянных иностранцев.

– Русский? – спросил он с ходу, прищурившись. – Вижу.

– По чему? – буркнул я.

Он развёл руками.

– По лицу. По походке. По тому, как смотришь вокруг, будто тебя сюда против воли притащили.

Я бы, наверное, огрызнулся, но сил не было.

– В отель, господин? Хороший отель. Чистый. С кондиционером. Девушки, музыка, бассейн...

– На рынок, – перебил я. – Сукран.

Он мгновенно перестроился.

– А-а. Для пустыни? Снаряжение? Сафари?

– Вроде того.

Он широко ухмыльнулся и махнул рукой в сторону машины.

– Тогда садись. И молись, чтобы тебе попался честный торговец. Тут это почти чудо.

Мы выехали в город.

Каир навалился на меня сразу, целиком. Улицы были переполнены машинами, повозками, автобусами, людьми, тележками, криками, музыкой, пылью и жаром. Над дорогой дрожало марево. Между серо-бежевых домов тянулись балконы, вывески, бельевые верёвки, пёстрые флаги и чёрные провода. Где-то ревел мотор, где-то тянули молитву, где-то торговались так яростно, будто от цены на финики зависела судьба династии.

Таксист говорил почти без остановки.

– Днём в пустыне сдохнешь от жары, ночью – от холода. Воду бери с запасом. Нет, не так. С двойным запасом. И не верь никому, кто скажет, что знает короткий путь. Короткий путь в песках обычно ведёт либо к могиле, либо к очень дорогой ошибке.

Я слушал вполуха, глядя в окно.

Всё это казалось сном, в который меня загнала собственная глупость. Ещё вчера я сидел в своём сером кабинете – с долгами, больничными счетами и ростовщиком над душой. Сегодня ехал в машине посреди чужой империи, чтобы купить снаряжение и отправиться на поиски древнего зиккурата, о существовании которого, по всем законам нормального мира, я вообще не должен был узнать.

Пальцы сами собой сжали в кармане бронзовый диск.

Металл оставался холодным.

Это почему-то успокаивало.

Рынок Сукран встретил меня таким гвалтом, будто весь город в один миг решил собраться в одном месте и перекричать сам себя. Под тентами и навесами теснились лавки, прилавки, клетки с птицей, горы тканей, корзины с фруктами, медные лампы, связки веревок, ножи, обувь, дешёвые амулеты, сушёные травы и бог знает что ещё. Воздух был плотным от пыли, запаха жареного мяса, пота и пряностей.

Я шёл сквозь толпу, чувствуя себя кошельком на ножках.

Так, наверное, оно и было.

Стоило мне свернуть к ряду со снаряжением, как кто-то ловко толкнул меня в бок. Я машинально обернулся – и в ту же секунду заметил, как худой мальчишка с моим кошельком уже ныряет между палатками.

– Стоять! – рявкнул я и рванул за ним.

Он был быстрый, как крыса.

Я проскочил между двумя лавками, едва не врезался в клетку с курами, споткнулся о ящик с гранатами. Кто-то выругался мне вслед, кто-то засмеялся. Мальчишка мелькнул в узком проходе, юркнул в тень – и исчез.

Я вылетел следом, тяжело дыша, и увидел кошелёк на земле.

Деньги из наружного отделения пропали.

Карточки и документы остались.

Я поднял кошелёк, выругался и заставил себя выдохнуть.

Не смертельно. Основные деньги были спрятаны глубже. Но рынок сразу дал понять: здесь меня никто за руку водить не собирается.

Покупки заняли больше времени, чем я рассчитывал.

Вода, фонарь, складная лопата, нож, аптечка, плотный бедуинский плащ, верёвка, еда, запасные батареи, дешёвая палатка, бурдюк, компас – я брал всё, что могло хоть как-то увеличить мои шансы не сдохнуть в песках на второй день. Почти каждый торговец пытался меня обмануть. Почти каждый видел во мне не человека, а источник денег с очень ограниченным пониманием местных цен.

Я не спорил там, где не стоило, но и не позволял совсем уж откровенно себя обдирать. Деньги таяли с пугающей скоростью.

Мать всплывала в памяти снова и снова.

Каждая купюра в руке оборачивалась вопросом: а что, если я сейчас трачу её не на путь к спасению, а на собственную красивую смерть посреди песка?

– Ты ищешь дорогу не туда, куда обычно идут туристы.

Голос раздался справа, сухой, как треснувшая глина.

Я обернулся.

Передо мной стоял старик-бедуин с тёмной, выжженной солнцем кожей и резной тростью в руке. Лицо его было исполосовано морщинами так густо, словно пустыня годами чертила на нём свои карты. Но глаза оставались цепкими, живыми, слишком внимательными.

– С чего ты взял? – спросил я.

Он усмехнулся, обнажив жёлтые зубы.

– Потому что люди, которым нужен красивый закат и фото на верблюде, не покупают лопату, бурдюк, походный нож и столько воды, будто собираются уходить из мира, а не из города.

Я промолчал.

Старик чуть качнул тростью.

– Я знаю пустыню. Могу провести куда нужно. За тысячу фунтов в день.

– Дорого.

– Зато жив останешься.

Он сказал это просто, без нажима, но у меня всё равно неприятно кольнуло между лопаток. Я уже хотел отмахнуться и уйти, как заметил: его взгляд скользнул к моему карману.

Туда, где лежал ключ.

Старик заметил выражение моего лица и прищурился.

– Что у тебя там?

– Ничего.

– Покажи.

– Нет.

Он шагнул ближе.

От него пахло пылью, крепким кофе и старой шерстью.

– В пустыне есть вещи, которые лучше не трогать, чужеземец, – сказал он тише. – А есть вещи, после которых пустыня начинает смотреть в ответ.

Я почувствовал, как внутри поднимается раздражение.

То ли он пугал меня ради цены, то ли и правда что-то знал, – проверять не хотелось.

– Не твоё дело, – отрезал я и закинул покупки в сумку.

Старик ещё секунду смотрел на меня, потом усмехнулся так, будто услышал именно тот ответ, которого и ждал.

– Как скажешь.

Я ушёл, но его взгляд чувствовал ещё долго.

К вечеру жара стала мягче, однако город всё равно дышал огнём. Узкие улицы, по которым я брёл с сумкой, были залиты медным закатным светом. Из открытых дверей кафе тянуло кофе, жареным мясом и табаком. Где-то над головой лениво скрипел старый вентилятор, где-то торговец спорил с покупателем, где-то визжал ребёнок.

Я нашёл отель только с третьей попытки.

Первые два были либо слишком дорогими, либо настолько убогими, что я начинал прикидывать, не безопаснее ли спать прямо на крыше.

Третий назывался «Золотой скарабей». Вывеска была выцветшей, штукатурка на фасаде треснула, но окна хотя бы были целы.

За стойкой сидел бородатый хозяин с золотым зубом и взглядом человека, который никогда не забывает, сколько с кого можно взять.

– Для вас особая цена, господин, – сказал он, растягивая слова. – Всего пятьсот.

– Триста.

– Четыреста. И комната на третьем этаже. Там тише.

Я кивнул.

Торг здесь, похоже, был не частью торговли, а формой приветствия.

Комната оказалась крошечной. Кровать, узкий стол, облупленная тумбочка, вентилятор под потолком, который скрипел так, будто держался на честном слове. Но дверь запиралась, окно не выходило на шумную улицу, а матрас, на удивление, не напоминал мешок с камнями.

Этого было достаточно.

Я разложил вещи на кровати и сел рядом.

Сумка со снаряжением. Вода. Карта. Ключ.

Я достал бронзовый диск и некоторое время просто смотрел на него.

Чем дольше я всматривался в его узоры, тем меньше они казались декоративными. В них была какая-то внутренняя логика – слишком сложная для простой резьбы, слишком точная для случайного орнамента. Девять знаков. Как будто не украшение, а схема, язык или замок.

Если всё это не бред, если зиккурат существует, если внутри действительно спрятано что-то ценное...

Я оборвал мысль.

Нельзя было заранее делить добычу, которой ещё нет. Это верный способ не дойти даже до входа.

Завтра нужно купить верблюда. Уйти рано. Без проводника.

Последнее решение мне не нравилось, но брать кого-то с собой означало делиться местом, а значит – рисковать куда больше. Я уже и так слишком сильно высунулся.

Вентилятор монотонно скрипел над головой, отмеряя время до сна.

Я лёг, не раздеваясь полностью, и закрыл глаза.

Усталость навалилась сразу – тяжёлая, мутная. Но даже проваливаясь в сон, я чувствовал, что день ещё не закончился, а просто затаился за тонкой стеной.

Так и оказалось.

Той же ночью, в дешёвом кафе в нескольких кварталах от отеля, старик-бедуин сидел за шатким столиком напротив молодого парня с острым лицом и дешёвыми кольцами на пальцах.

Над ними гудела лампа, облепленная мошкаррой. Старый приёмник в углу хрипло бормотал о футболе. На соседнем столе остывал чай.

– Клянусь, я видел ключ, – прошипел старик. – Не просто побрякушку. Настоящий.

Парень недоверчиво сощурился.

– Снова сказки про проклятую гробницу?

– Не сказки. – Старик подался вперёд. – Если это тот самый знак, значит, дверь можно открыть.

Молодой постучал пальцами по столу.

– И что ты хочешь? Чтобы я полез за каким-то сумасшедшим русским в пески только потому, что старому Али привиделось золото?

Старик оскалился.

– Я хочу, чтобы мы проследили за ним. Если он знает дорогу, он приведёт нас сам. А там уже решим, сколько стоит его удача.

Парень несколько секунд молчал.

Потом усмехнулся без веселья.

– Ладно. Но если это пустышка, я брошу тебя в песке первым.

Старик рассмеялся тихо, почти беззвучно.

На улице тем временем поднимался ночной ветер.

Утром меня разбудил звонок телефона.

Я дёрнулся так резко, будто ожидал увидеть у кровати не аппарат, а дуло.

На экране светилось имя: Артур.

Несколько секунд я просто смотрел на него, чувствуя, как в животе разливается холод.

Значит, заметил.

Или ещё нет?

Я ответил.

– Слушаю.

Голос у меня прозвучал хрипло.

– Здравствуй, Алексей, – сказал Артур почти дружелюбно. – До меня дошло, что ты покинул родину. Решил проветриться?

Я сел на кровати.

– Да. Нужно было сменить обстановку.

– Полезно, – согласился он. – Иногда человеку правда полезно уехать и всё обдумать.

Когда вернёшься?

– Через неделю.

– Хорошо. Тогда по возвращении загляни в офис. И скажи: вопрос с новым займом ещё актуален?

Я заставил себя выдержать паузу ровно такой длины, чтобы не выглядеть слишком нервным.

– Пока думаю.

– Подумай, – мягко сказал он. – Это полезнее, чем принимать решения на эмоциях.

Связь оборвалась.

Я опустил телефон и несколько секунд сидел, глядя в пустоту.

Если Артур понял, что передал не ту папку, говорил бы иначе. Значит, пока не понял. Или понял, но решил не спугнуть.

Второе было хуже.

Я встал, умылся холодной водой, разложил карту и ещё раз проверил маршрут.

До нужной точки – примерно сто двадцать километров. Много. Слишком много для человека, который ни разу не ходил в глубокую пустыню в одиночку. Но выбора всё равно не было.

Верблюдицу я купил на окраине рынка у старика с лицом, похожим на пересушенный пергамент.

Тот долго хвалил своё животное, уверял, что оно смирное, выносливое и переживёт даже конец света. Потом хрипло смеялся над моим акцентом и в конце концов сошёл на цене, от которой мне захотелось сесть прямо в пыль и пересчитать оставшиеся деньги ещё раз.

– Назови её хорошо, – посоветовал он, передавая поводья. – Верблюды любят, когда их зовут как людей. Тогда дольше терпят чужую глупость.

Я посмотрел на самку – рыжеватую, высокую, с усталыми умными глазами.

– Надя, – сказал я.

Старик поднял бровь.

– Это имя женщины?

– Да.

– Значит, верблудица будет злопамятной.

Я фыркнул.

Он вдруг посерьёзней, сунул мне в ладонь маленький амулет, обмотанный грязной ниткой.

– Держи. От дурного глаза.

– Бесплатно?

– Иногда дешевле отдать талисман, чем потом слушать, как духи жалуются на нового покойника.

Я не стал спорить и убрал амулет в карман.

Через час город остался за спиной.

Последние дома, последние дороги, последние следы привычного мира растворились в мареве. Впереди лежали пески – огромные, молчаливые, будто им было всё равно, сколько людей они уже пережили и сколько ещё переживут.

Жар снова усиливался.

Надя шла неторопливо, мерно покачиваясь, и с каждым её шагом я всё яснее понимал, что действительно вышел за край той жизни, к которой привык. Там, за спиной, оставались долги, кабинет, ростовщик, мать, закон, улицы, электрический свет и хоть какие-то правила. Здесь начиналось пространство, где законов было меньше, чем миражей.

Первые часы дорога даже казалась терпимой.

Потом солнце поднялось выше.

Воздух задрожал. Песок ослепительно светился. Горизонт поплыл. Мне несколько раз мерещились далёкие фигуры, но они исчезали, стоило всмотреться внимательнее. Губы потрескались, рубашка прилипла к телу, вода в бурдюке нагрелась так, будто её держали над огнём.

К вечеру я был выжат почти до дна.

Лагерь пришлось разбивать у низкого каменистого выступа, который хотя бы немного прикрывал от ветра. Я поставил палатку, проверил снаряжение, привязал Надю и сел на песок с картой в руках.

Прошёл меньше, чем рассчитывал.

Пустыня сразу показала мне цену самоуверенности.

Ночью похолодало резко и зло.

После дневного пекла холод ощущался почти нереальным. Ветер шёл между камнями с тоскливым, тянущим воем, и в этом звуке чудилось что-то слишком старое, словно пески шептались между собой на языке, которому не одна тысяча лет.

Я уже собирался нырнуть в палатку, когда заметил его.

Волчонок сидел в десяти шагах.

Чёрный, маленький, неподвижный.

Лунный свет серебрил песок вокруг него, но сам он будто не отражал света вообще – только впитывал его. Красные глаза горели ровно и спокойно.

Я медленно выпрямился.

– Опять ты, – сказал я тихо.

Волчонок не шелохнулся.

Потом так же бесшумно поднялся, отошёл в сторону и растаял в темноте между барханами.

У меня пересохло во рту.

Ночью миражей не бывает.

Я постоял ещё секунду, потом услышал звук.

Глухой. Далёкий. Ритмичный.

Не ветер.

Я пригнулся и поднялся выше по склону бархана, стараясь не шуметь. Оттуда уже было видно: три тёмные фигуры на верблюдах спускались к моему лагерю.

Первого я узнал сразу – старик с тростью. Тот самый.

За ним ехали ещё двое.

Значит, пустыня и правда уже начала смотреть в ответ.

Трое.

Они не таились и не пытались обойти лагерь по дуге. Напротив, спускались медленно, уверенно, как люди, которые уже решили, что добыча у них в руках. Луна ложилась на песок бледным серебром, и на этом мёртвом свете фигуры казались почти нереальными – сторбленные тени на высоких верблюдах, плывущие сквозь ночь.

Я соскользнул ниже по склону и пригнулся за гребнем бархана.

Сердце снова заколотилось – быстро и сухо, но голова, наоборот, стала холодной и ясной. То состояние, которого мне так не хватало у Артура. Там меня душили страх, злость, унижение. Здесь всё было проще. Или они, или я.

Снизу донёсся хриплый голос старика:

– Вот его палатка. Верблюды тоже здесь. Далёко он уйти не мог.

– Может, спит уже, – ответил второй, молодой.

– Тем лучше, – буркнул третий.

Я осторожно выглянул.

Старик Али спешился первым. За ним – коренастый широкоплечий тип с густой бородой и тяжёлыми руками человека, привыкшего больше ломать, чем думать. Третьим был молодой парень в тёмном капюшоне. У него на плече висело ружьё, и двигался он настороженно, без лишней суеты. Из них троих именно он показался мне самым опасным.

Они направились к палатке.

Уверенно.

Слишком уверенно.

Я быстро оглянулся. До рюкзака было далеко, до ружья – ещё дальше. Но нож оставался при мне, в ножнах на поясе. Этого должно было хватить хотя бы на первый ход.

Коренастый шёл последним.

Я подождал, пока они подойдут ближе, пока шум их шагов и тихие ругательства окончательно смешаются с ветром, и только тогда двинулся. Быстро. Низко. По дуге.

Песок предательски шуршал под сапогами, но ночь пока была на моей стороне.

Я оказался у бородача за спиной в тот самый миг, когда он наклонился к пологу палатки. Левая рука рванула его назад за горло, правая уже выдёргивала нож.

Лезвие прижалось к шее.

Мужик дёрнулся, захрипел, обеими руками вцепился в моё предплечье, но я вжал его в себя сильнее.

– Не двигаться, – тихо сказал я.

Старик и парень развернулись мгновенно.

Молодой уже поднимал ружьё.

– Брось, – сказал я, глядя прямо ему в лицо из тени. – Или он сдохнет первым.

Парень замер.

Старик Али тоже остановился, но не испугался. Нет – в его глазах вспыхнуло что-то жадное и лихорадочное, словно происходящее только подтверждало его догадку: он был уверен, что не зря пошёл за мной.

– Полегче, чужеземец, – прошипел он. – Нам нужен не ты. Только вещь. Отдашь – разойдёмся.

– Врёшь, – сказал я.

– Может, и нет, – вмешался парень в капюшоне. Голос у него был молодой, но уже с тем хриплым надломом, который бывает у людей, давно привыкших к грязной работе. – Убей его – и себе не поможешь.

– Зато вам усложню.

Я надавил лезвием сильнее.

Кожа под ножом подалась. По шее бородача побежала тёплая кровь. Он заскулил сквозь стиснутые зубы и замер.

Несколько секунд мы стояли так – трое в лунном свете и я за спиной четвёртого, среди песка, палатки и верблюжьей вони. Мир сузился до чужих глаз, блеска металла и ветра, который шёл по барханам, будто выжидая, кто моргнёт первым.

Первым не выдержал старик.

Он резко рванулся назад, к своему верблюду, где у седла висел короткий древний дробовик.

Думать было уже некогда.

Я дёрнул нож в сторону.

Горло бородача раскрылось под лезвием горячей тёмной полосой. Он захлебнулся воздухом, дёрнулся у меня в руках, и я толкнул его вперёд – прямо под ноги остальным.

Парень с ружьём инстинктивно отшатнулся.

Этого хватило.

Я метнул нож.

Не красиво, не как в дешёвых историях. Просто коротко и зло, на мышечной памяти. Лезвие вошло молодому в предплечье. Он вскрикнул, выронил ружьё и согнулся.

Старик уже почти добрался до своего оружия.

Я прыгнул к нему.

Мы столкнулись у самого верблюда. Али оказался крепче, чем выглядел: трость в его руках хлестнула мне по рёбрам, воздух вышибло из лёгких, но я всё равно врезал ему в висок. Потом ещё раз. И ещё – снизу в челюсть. Он пошатнулся, попытался ухватиться за седло, но я ударил коленом в живот и толкнул.

Старик повалился на склон бархана и покатился вниз, поднимая песок.

Я схватил ружьё, выпавшее из рук парня, развернулся и вскинул ствол.

Молодой уже стоял на коленях, прижимая раненую руку к груди. Капюшон съехал, открыв бледное лицо, искажённое болью и страхом. Совсем мальчишка. Лет двадцать, не больше.

– Не надо... – выдохнул он.

Я шагнул ближе.

– А вот теперь говори. Быстро. Что вам от меня нужно?

Он мотнул головой, будто надеялся стряхнуть сам вопрос.

– Мы... мы просто...

Я выстрелил в песок у самого его колена.

Ночь разорвало грохотом.

Верблюды шарахнулись, Надя дёрнула повод, парень вскрикнул и упал на бок, закрывая голову здоровой рукой.

– Не ври мне, – сказал я уже почти спокойно.

Это спокойствие было хуже крика. Я сам это знал.

Парень тяжело дышал, песок лип к его мокрому от пота лицу.

– Ключ, – выпалил он наконец. – Нам нужен был только ключ! Старик сказал, что он древний, что за него можно выручить целое состояние... Клянусь, больше ничего!

Я перевёл ствол ему в грудь.

– И ради «ничего» вы приехали втроём ночью в пустыню с оружием?

– Мы не хотели... – начал он, но запнулся, увидев мои глаза. – Я не хотел убивать. Клянусь.

Где-то внизу застонал старик.

Я обернулся на звук. Али пытался подняться, кашляя и хватаясь за песок скрюченными пальцами, будто хотел удержать саму землю.

Вот и всё.

Любая жалость сейчас означала бы, что через день-два за мной пойдут уже не трое полудурков, а люди посерьёзнее. И тогда у меня не останется даже того жалкого шанса, ради которого я вообще сюда полез.

Я подошёл к Али первым.

Он поднял на меня мутные, налитые ненавистью глаза.

– Проклянешь... себя... – прохрипел он.

– Уже поздно, – ответил я.

Выстрел глухо ударил в ночь.

Старик рухнул лицом в песок и больше не шевелился.

Я повернулся к молодому.

Тот понял всё сразу. По-настоящему. Не умом – нутром. Это видно по глазам: в какой-то миг человек ещё надеется, а в следующий уже знает.

– Пожалуйста, – прошептал он. – Я никому не скажу. Исчезну. Клянусь матерью.

Я молча смотрел на него.

Он был живой. Испуганный. Жалкий. И всё же пришёл сюда не разговаривать, а грабить. А если бы я спал крепче или был слабее, меня бы уже резали возле собственной палатки так же спокойно, как сегодня утром кто-то резал барана на рынке.

Взводить курок не пришлось – ружьё и так было готово.

– Это пустыня, – сказал я тихо. – Здесь за ошибки закапывают.

Он закрыл глаза.

Второй выстрел прозвучал тише первого. Или мне так показалось.

Потом наступила тишина.

Только ветер гнал песок по склону, да верблюды тяжело сопели в темноте.

Я стоял, не двигаясь, пока в ушах не перестало звенеть. Руки были в крови. Не в первый раз, но от этого никогда не становится проще – просто учишься не разбирать свои мысли сразу после.

Я медленно выдохнул, опустил ружьё и оглядел лагерь.

Надя была на месте. Палатку не тронули. Сумки тоже.

Зато теперь у меня были три тела, чужое оружие и ещё меньше времени, чем вчера.

Я подобрал свой нож, вытер лезвие о плащ мертвеца и вернул в ножны.

Старик оказался прав в одном: пустыня действительно смотрела в ответ.

Только не на него.

На меня.

И где-то там, за чернотой барханов, в той стороне, куда ушёл волчонок, будто ждал следующую шаг.

До рассвета я почти не спал.

Сначала просто стоял посреди лагеря, пока кровь стучала в висках, а ветер медленно заметал следы борьбы. Потом заставил себя двигаться. Проверил снаряжение, осмотрел верблюдов, собрал оружие. У старика нашёл старый дробовик, у молодого – ружьё попроще и нож с костяной рукоятью. Ничего особенного. Никаких тайных карт, записок или магических безделушек – только чужая жадность, приведшая их в пустыню.

Тела я закопал так глубоко, как смог.

Песок не любит хранить мёртвых. Он принимает их без торжественности, без памяти, без сострадания. Стоит насыпать сверху пару лишних слоёв – и через сутки уже кажется, будто человека здесь никогда не было.

Когда я закончил, руки дрожали не от жалости и не от страха, а от усталости. Я сел на корточки возле потухшего костра и долго смотрел на серую полоску горизонта, где небо медленно светлело.

Ночь в пустыне умеет делать людей честными.

Нет городского шума, нет стен, нет света фонарей, нет чужих голосов, за которыми можно спрятаться. Есть только ты, холод, песок и память о том, что сделал. И если совесть всё ещё жива, она обязательно найдёт тебя именно в такие часы.

Я не считал себя хорошим человеком.

После службы – тем более.

Но одно дело – понимать, что ты способен убить, и совсем другое – сидеть потом в темноте, чувствуя, как в складках одежды засыхает чужая кровь.

Надя тихо фыркнула у привязи.

Я поднял голову.

Ветер изменился. Стал теплее. Чуть живее. Ночь уходила.

К рассвету я свернул лагерь, закрепил поклажу и вывел верблюдицу дальше на запад. За спиной остались три едва заметных холмика и клочья следов, которые вскоре всё равно сожрёт песок.

Когда солнце поднялось над дюнами, пустыня снова выглядела безмятежной.

Словно ночью здесь не происходило ничего.

Словно не было крови, криков, выстрелов и чужих глаз, полных последнего животного страха.

Только я уже знал: назад дороги больше нет не только из-за Артура. Что бы ни ждало меня у зиккурата, оно уже начало расчищать к себе путь через смерть.

И всё же я шёл вперёд.

Пятый день пути доконал меня почти полностью.

Сначала ушла злость. Потом страх. Потом даже усталость перестала быть чем-то отдельным и превратилась просто в состояние тела, в его новую норму. Осталась только тупая, вязкая необходимость переставлять ноги, следить за водой, не выпускать повод и не давать себе лечь на песок хоть на минуту дольше нужного.

Компас начал сходить с ума ещё утром.

Стрелка крутилась, дёргалась, будто под землёй шевелилось что-то огромное и невидимое, сбивающее сами направления. Карта тоже перестала быть надёжной опорой – я смотрел на неё, но всё чаще ориентировался уже не по ней, а по ощущению, которое трудно было назвать иначе как зовом.

Именно тогда волчонок снова появился.

Он шёл впереди, иногда замирая на вершине очередного бархана, оборачиваясь и дожидаясь меня. Чёрный, маленький, нереальный на фоне расплавленного золота песков. Если бы я увидел его в первый день, то, наверное, ещё попытался бы убедить себя, что это мираж. Теперь – нет.

Слишком часто он являлся именно там, где дорога снова начинала смыкаться вокруг меня.

Солнце уже клонилось к закату, когда я увидел его.

Сначала подумал, что это ещё одна игра воздуха.

Но миражи плывут.

Они дрожат, распадаются, отступают по мере приближения.

Это – нет.

Зиккурат.

Он поднимался из песка, как давно забытая часть самой земли. Ступенчатый, массивный, слишком правильный для природы и слишком древний для человеческой памяти. Шестьдесят на шестьдесят метров – цифра из папки вдруг обрела плоть, камень и тень. Большая часть сооружения всё ещё покоилась под песком, но верхние террасы и вход были очищены, словно сама пустыня веками обходила это место стороной.

Я остановился.

Надя тоже.

Даже она почуяла что-то неладное – вытянула шею, фыркнула и нервно переступила передними ногами.

Камень зиккурата был не жёлтым и не серым, как я ожидал, а тёмным, с едва заметным красноватым оттенком, будто когда-то впитал в себя не только солнце, но и кровь. Вдоль стен тянулись выцветшие символы. Некоторые напоминали клинопись, другие – рисунки, третьи были похожи на знаки, которые человеческая рука и придумать-то не должна была.

Я подошёл ближе и провёл ладонью по поверхности.

Камень оказался тёплым.

Не от солнца – иначе нагрелся бы весь, до обжига. Нет. Это было другое тепло. Глубинное. Словно внутри сооружения всё ещё тлело что-то древнее, не погасшее до конца.

Пальцы сами скользнули ниже, по выщербленным линиям.

И мне вдруг показалось, что некоторые знаки я почти понимаю. Не читаю – скорее узнаю, как человек узнаёт чужой язык из сна.

Врата.

Тень.

Кровь.

Сон.

Я отдёрнул руку.

Сердце тяжело ударило в грудь.

– Нет, – пробормотал я себе под нос. – Нет. Я не понимаю это. Не понимаю.

Но мир уже и не требовал от меня рациональности. Он просто медленно, шаг за шагом, снимал с вещей привычные маски.

Вход располагался выше, на одной из верхних террас. Я поднялся туда осторожно, не сводя глаз с проёма. Массивная дверь, которую я видел на фотографии, была здесь – реальная, чёрная, покрытая рельефом и той же вязью древних символов. В центре – углубление.

Ровно под форму бронзового диска.

Я достал ключ.

На вечернем воздухе металл вдруг стал ещё холоднее. Настолько, что кожу пальцев свело.

– Ну вот, – прошептал я. – Либо я богат, либо мёртв.

Я вставил диск в выемку.

Ничего не произошло.

Ни света. Ни грохота. Ни магии. Только тишина.

Я нахмурился, сильнее надавил на дверь – и в ту же секунду плита ушла внутрь так легко и неожиданно, будто только этого и ждала.

Я потерял равновесие.

Камень под ногами сорвался.

Мир качнулся, небо исчезло, и я полетел в темноту.

Глава 3 Зиккурат

Я пришёл в себя не сразу.

Сначала вернулась боль. Глухая, расплзающаяся по телу, как холодная вода по одежде. Потом – тяжесть в груди, будто на меня насыпали камней. И только после этого пришло понимание, что я лежу лицом вниз на чём-то твёрдом, шершавом и очень холодном.

Я открыл глаза.

Ничего.

Тьма была такой плотной, что на миг показалось, будто я ослеп. Я машинально дёрнулся, попытался подняться – и тут же зашипел сквозь зубы. Ладони саднило. Правое плечо прострелило болью. В колене что-то нехорошо хрустнуло.

Живой.

Пока живой.

Я перекатился на спину и несколько секунд просто лежал, дыша через рот. Воздух здесь был сухой, пыльный, с привкусом старого камня. И ещё в нём чувствовалось что-то странное – не запах даже, а привкус, как бывает перед грозой, когда железо будто проступает на языке само собой.

Сверху, очень далеко, тянуло холодом.

Блин надо же было так не удержаться и свалится непонятно куда. А если было бы выше? Нужно быть предельно внимательным. Спуск не сильно крутой и если постараться то получится выбраться. Эта мысль почему-то немного отрезвила.

Я сел, упёрся спиной в стену и заставил себя осмотреться на ощупь. Рюкзак нашёлся почти сразу, в паре шагов. Повезло. Если бы он улетел дальше по галерее или в какую-нибудь трещину, на этом мои великие поиски артефактов бы и закончились.

Пальцы плохо слушались. Молнию я расстёгивал дольше, чем следовало. Наконец нащупал фонарь, щёлкнул кнопкой – и узкий жёлтый луч прорезал темноту.

Галерея.

Длинная, каменная, уходящая вниз под едва заметным уклоном. Стены были сложены из огромных блоков, подогнанных так плотно, что в щели не вошёл бы и нож. Потолок терялся в черноте. Пол местами был гладким, вытертым, а местами – исцарапанным.

Я медленно поднялся.

Тело протестовало, но держало. Уже хорошо.

Свет фонаря дрожал не только от руки – воздух впереди тоже казался чуть подвижным, словно в глубине прохода что-то мерцало. Я нахмурился, шагнул вперёд, и в ту же секунду с обеих сторон один за другим вспыхнули факелы.

Я замер.

Ни искры. Ни звука кремня. Ни чьего-то движения.

Просто сухие древки, торчавшие из камня, в один миг ожили, и по ним побежало тусклое сине-золотое пламя.

Несколько секунд я смотрел на них, не моргая.

Потом нервно усмехнулся.

– Всё. Приехали, Лёха. Теперь даже врать себе поздно.

Никакого разумного объяснения этому не было. Ни газа, ни скрытого механизма, ни дешёвого фокуса. После всего, что случилось за последние дни, я ещё цеплялся за привычную мысль, что миру можно найти нормальное объяснение. Теперь эта мысль треснула окончательно.

Магия существовала.

Не в сказках, не в легендах старух, не в пьяных байках на казарменной кухне.

Здесь.

Подо мной.

В этом проклятом каменном брюхе.

Я двинулся дальше, уже медленнее.

По мере спуска стены начали оживать. Сначала я думал, что это просто неровности кладки, следы времени. Но свет факелов ложился под другим углом, и на камне проступали рельефы. Целые полосы фресок, барельефов и резных знаков.

Люди в длинных одеждах, стоящие кругами вокруг чего-то, похожего на солнечный диск. Воины с копьями и кривыми щитами. Волки – не звери, а именно волки, слишком большие, слишком гордые, с глазами, инкрустированными чёрным камнем. А дальше – фигуры, от которых по спине пошёл холод.

Горбатые тела.

Крылья.

Слишком длинные руки.

Когти.

Я остановился и поднял луч выше.

Дарги.

Я не знал, откуда взялось это слово. Просто знал. Как будто кто-то вложил его мне в голову раньше, чем я успел подумать сам.

В тот же миг внутри, под самыми рёбрами, что-то неприятно сжалось.

Я резко обернулся.

Позади никого не было.

Только факелы, камень и мой собственный сбившийся вдох.

– Спокойно, – пробормотал я. – Просто шок. Ударился башкой. Сейчас ещё не такое полезет.

«Нет».

Голос не прозвучал ушами. Он возник сразу в сознании – негромко, ровно, слишком отчётливо, чтобы спутать его с собственной мыслью.

«Твоя голова здесь ни при чём».

Я вскинул ружьё раньше, чем успел испугаться по-настоящему.

На повороте галереи сидел волчонок.

Тот самый.

Маленький, чёрный, будто вырезанный из тени. Красные глаза смотрели спокойно, без звериной настороженности. Он не рычал, не скалился, не шевелил ушами. И от этого было только хуже.

– Нет, – сказал я хрипло. – Нет. Этого не может быть.

Волчонок поднялся.

«Может».

Я почувствовал, как по позвоночнику медленно, позвонок за позвонком, поднимается холод.

– Ты у меня в голове.

«Пока так проще. Следуй за мной.

– Кто ты?

«Тот, кто слишком долго ждал».

Он развернулся и пошёл вниз по галерее, не оглядываясь.

Я стоял на месте.

Любая нормальная часть моего сознания требовала развернуться, найти выход, вытащить себя наружу и бежать от этого места как можно дальше. Но нормальная часть сознания уже

проиграла – ещё там, наверху, когда я вставил ключ в дверь и полетел в темноту. Теперь у меня оставалось только одно: идти вперёд и надеяться, что ответы стоят того, чтобы за них умереть.

Я пошёл следом.

– Если это какой-то морок, то очень убедительный, – сказал я, сам не понимая, зачем говорю вслух. Наверное, просто чтобы слышать хоть чей-то голос, кроме этого чужого шёпота в голове. – И если ты умеешь говорить, может, начнёшь с главного? Что это за место?

«Место, которое держит то, что нельзя было оставить в мире».

– Очень ясно. А попроще?

Волчонок на ходу чуть повёл ухом.

«Хорошо. Тогда слушай. Это один из Девяти Домов Печати. Когда мир треснул под натиском даргов, люди и их союзники не смогли победить. Они смогли только запереть».

Даргов ?

«Не их самих. Даргов остановить не смогли. и потому заперли поток. То, с помощью чего они взаимодействовали друг с другом. Магия без нее они быстро пали.. И чтобы ее запечатать было возведено Девять Домов б на узлах силы. В каждом – печать. В каждой печати – жертва. В каждой жертве – воля, которой должно было хватить до времён, когда потомки окрепнут и смогут дать отпор новым захватчикам. И стоит магии вернуться разу придет и тьма что окружает миры.

Я сглотнул.

– А если потомки так и не станут гототвы?

На этот раз он ответил не сразу.

«Тогда печати падут без их воли».

Мне очень не понравилось, как это прозвучало.

Фрески по сторонам менялись. Теперь на них были не сражения, а строительство. Огромные ступенчатые сооружения, фигуры жрецов, волки у алтарей, связки рун, высеченные прямо в камне. И везде повторялся один знак – круг, рассечённый тремя расходящимися линиями. Почти тот же, что я видел на ключе.

Я поднял фонарь выше.

– Эти волки... такие же, как ты?

«И да и нет. Они все мои братья и сестры по отцовской линии, но значительно слабее меня.».

Проход расширился. Впереди замаячил слабый синий свет, не похожий на факельный. Воздух сделался холоднее.

И я вдруг понял, что не хочу идти дальше.

Смешно. До этого я пробирался по пустыне, закапывал трупы, лез в древний зиккурат ради шанса разбогатеть, а здесь, в каменном коридоре, страх наконец догнал меня по-настоящему. Без лица. Без формы. Тот самый страх, от которого у человека появляется простая, животная мысль: если сейчас остановиться, всё ещё можно повернуть назад.

Но было поздно.

Мы вышли в зал.

Он оказался меньше, чем я ожидал после такого пути. Не храм, не гробница, не подземный дворец. Скорее преддверие. Караульный покой перед чем-то большим.

В центре стоял трон из чёрного камня. Не роскошный, а тяжёлый, почти грубый, будто его высекли из цельной скалы и поставили здесь не для величия, а для власти. На троне сидел скелет.

Не груды костей. Не останки. А живой.

В истлевших латах, поверх которых ещё держались клочья тёмного плаща с золотой нитью. На черепе покоилась корона старого образца – широкая, тяжёлая. А в глазницах горел холодный синий свет.

Я остановился так резко, что чуть не споткнулся.

Ружьё поднялось само.

Скелет медленно повернул голову.

– И это мой потомок?, – произнёс он сухим, почти человеческим голосом, Только стоял и смотрел.

Не знаю, сколько прошло – секунда или полминуты. В такие мгновения время идёт не как обычно. Оно сжимается в точку.

Потом я услышал собственный голос:

– Похоже мне снится плохой сон. Наверно мое тело все еще лежит у входа в гробницу, а это просто кошмар.

Синий огонь в его глазницах дрогнул.

– Было бы проще, – сказал мертвец. – Но нет. К сожалению для нас всех это не сон.

Волчонок сел у подножия трона.

«Он всегда плохо встречает гостей».

– А ты, – продолжил скелет, не сводя с меня взгляда, – слишком похож.

– На кого?

Молчание.

Потом мертвец медленно поднялся. Кости двигались неторопливо, почти церемонно. В нём не было дёрганой мертвечины. Он вставал как человек, привыкший, что все вокруг ждёт, пока он соизволит подняться.

– На того, кто уже однажды погубил себя ради мира, – произнёс он. – И, возможно, собирается повторить эту глупость через кровь.

Я перевёл взгляд на волчонка.

– Объясняй. Нормально. Сейчас.

Умбрис посмотрел на меня своими тёмно-красными глазами.

«Перед тобой Вейн. Последний император эпохи магии. Тот, кто замкнул печать этого дома собственной кровью и душой. То, что ты видишь теперь, – не жизнь и не смерть. Лишь остаток воли и магии, удержанный близостью печати и долгим соседством с той силой, которую он сам помог связать».

– То есть это...

– Лич, если тебе так легче, – сказал скелет. – Хотя я всегда находил это слово вульгарным.

Почему-то именно это замечание выбило из меня первый настоящий нервный смешок.

– Конечно. Почему бы и нет. Пустыня, говорящий волк, бессмертный император... Чего мелочиться.

– Ты держишься лучше многих, – заметил Вейн. – Некоторые начинали молиться. Некоторые мочились под себя. Один пытался убедить меня, что он простой ревизор и тут он по ошибке.

– И что с ним стало?

– Он умер ревизором.

Умбрис раздражённо шевельнул хвостом.

«Мы теряем время».

– Время, – повторил я. – Да. Хорошо. Тогда по порядку. Почему я здесь? Почему ты притащил меня сюда? Почему подкинул мне папку ведь это был ты? И какого чёрта я должен верить хоть одному вашему слову?

На последних словах голос у меня сорвался. Не от храбрости. От усталости, боли и ярости, которую уже некуда было девать.

Умбрис ответил сразу:

«Потому что у тебя не осталось ничего, кроме правды, какой бы она ни была».

Это ударило точнее, чем хотелось бы.

– Не уходи в загадки, – процедил я.

«Хорошо. Я искал носителя крови Вейна. Долго. Слишком долго. В вашем мире остались сотни обрывков рода, но почти все они выродились: кровь размыта, воля слаба, душа глуха. В тебе кровь сильнее. Ты увидел меня. Ты смог дойти сюда, чем доказал свою силу воли – А папка?»

«Её путь изменил я. Не документами. Людями. Случайностями. Желанием. Страхом. Тебе кажется, будто тебя привела сюда ошибка. Но ошибки – самый древний инструмент судьбы».

– Красиво сказано, – буркнул я. – Только пахнет манипуляцией.

– Потому что это она и есть, – неожиданно сказал император. – Не обольщайся. Умбрис никогда не был добрым. Даже когда я был еще жив. Просто у него были правильные враги.

Волчонок оскалился, но промолчал.

Я перевёл дух.

– Ладно. Допустим. Что дальше?

Мертвец развернулся вполоборота и указал костяной рукой себе за спину. Там, за тронном, виднелся высокий проход, перекрытый чем-то вроде каменной завесы, на которой слабо мерцали те же знаки, что я видел в галерее.

– За этой преградой, – сказал он, – внутреннее святилище. Средоточие здешней печати. Там удерживается клинок, в который была впряжена часть моей души и воля Умбриса. Он не просто замыкает узел. Он распределяет и гасит то давление, которое иначе давно бы прорвало этот мир изнутри.

Он сделал паузу.

– Но ни одна печать не вечна. Умбрис истончается. Я тоже уже не тот, кем был даже сто лет назад. Связи ветшают. Руны слепнут. Если узел падёт сам по себе, наружу выйдет не просто магия. Высвободится такая сила, что уничтожит все живое. Каждый узел будет напоминать центр ядерного взрыва.

Я медленно покачал головой.

– Подожди. Ты хочешь сказать, что если я ничего не сделаю, всё само рванёт к чёртовой матери?

– Не сегодня. Может, не завтра. Но скоро – по меркам клятв, а не людей.

– И только я могу это исправить?

– Только носитель моей крови может разомкнуть печать по праву, а не сломать её, – ответил Вейн. – Но право ещё не делает человека достойным.

Вот тут всё стало на свои места.

Не до конца. Но достаточно, чтобы понять главное. Я не нашёл сокровище.

Я влез в древний механизм, который держится на мёртвом императоре, полупрозрачном волке и какой-то проклятой родословной, о которой не просил.

Очень захотелось сесть прямо на камень и долго, матерно смеяться.

Вместо этого я спросил:

– А если я просто развернусь и уйду?

Мёртвый император смотрел на меня долго.

– Тогда ты уйдёшь с знанием, которое нельзя вынести наружу просто так. А я не имею права тебя выпустить, или впустить слабого наследника к печати.

– То есть убьёшь.

– Если понадобится.

Я повернулся к Умбрису.

– Ты всё это знал. И всё равно притащил меня сюда.

«Да».

– Даже если бы я умер по дороге?

«Да».

– Даже если бы меня прирезали те трое в пустыне?

Умбрис на миг отвёл взгляд.

«Тогда я искал бы дальше».

От этой честности стало не легче, а хуже.

Я вдруг понял, что не ненавижу его до конца только по одной причине: если он врёт, я уже мёртв; если не врёт – выбора у него было не больше, чем у меня.

– Славно, – сказал я. – Просто замечательно.

Я поднял ружьё повыше, хотя прекрасно понимал, насколько жалко оно выглядит в этом зале среди рун, теней и двух древних чудовищ.

– И что за испытание?

Синий огонь в глазницах императора будто стал ярче.

– Я должен увидеть, что в тебе сильнее: страх, жадность или воля. Слова здесь ничего не стоят. Кровь – немного больше. Так что да, потомок, всё будет просто. Ты попытаешься пройти мимо меня. Я попытаюсь решить, имеешь ли ты на это право.

– Очень утешительно.

– Цени хотя бы прямоту.

Он вытянул руку.

Сначала мне показалось, что воздух перед ним просто потемнел. Потом из тьмы начала проступать форма – длинное древко, окованное потускневшим металлом. Посох. Не сияющий и не «великий», как в дешёвых романах. Старый. Тяжёлый. Такой, которым не колдуют напоказ, а ломают кости.

У вершины, между чёрными зубцами, тлеет кристалл с мутным синим светом.

– Магии во мне осталось немного, – сказал Вейн. – И это твоё счастье. При жизни я бы даже не встал с трона.

– Спасибо, успокоил.

На самом деле меня уже трясло.

Не красиво. Не героически. Мелкой, позорной дрожью, которую почти невозможно унять. Я чувствовал собственный пульс в пальцах, в висках, в дёснах. Всё тело требовало одного: выжить. Любым способом.

Хорошо знакомое чувство.

На службе я видел его у других. Иногда – в зеркале.

И вот это, пожалуй, удержало меня от паники. Не честь. Не отвага. Привычка. Если уже страшно, значит, поздно спорить со страхом. Надо просто делать следующее движение.

Император шагнул вперёд.

Пол под ним даже не скрипнул.

Я вскинул ружьё.

Первый удар посоха пришёлся не в голову, как я ожидал, а по стволу. Вейн бил расчётливо, как опытный боец: не убить сразу, а выбить оружие, сбить ритм, посмотреть, как я реагирую.

Лязгнуло так, что у меня отдало в зубы. Руки онемели до локтей. Я отшатнулся, едва удержав ружьё.

Император не бросился добивать.

Он кружил медленно, почти лениво.

– Ты держишь хват как человек, привыкший стрелять, а не сражаться, – заметил он. – Кто ты был в своём маленьком мире? Писарь? Охотник? Человек, которому дали форму и велели пугать должников?

Это попало в цель.

Я сам не заметил, как оскалился.

– Сержант инспекционной службы.

– Почти то же самое.

Он снова ударил.

На этот раз снизу, под руки. Я едва успел дёрнуть ружьё, и посох скользнул по цевью, сорвав кожу с костяшек. Боль была настоящая, ясная. Такая боль помогает. Она вымывает лишние мысли.

Я отступил вбок, выстрелил почти не целясь.

Грохот раскатился по залу.

Заряд ударил мертвеца в грудь. Его качнуло. Несколько костяных пластин и клочья истлевшей ткани разлетелись по полу. Синий огонь в глазницах дрогнул, а кристалл на посохе на миг потускнел.

Не бессмертный.

Просто древний.

А древнее, как я уже успел понять, тоже ломается.

Я выстрелил снова.

На этот раз он ушёл в сторону неожиданно легко – не так, как двигается тяжёлое тело, а так, как двигается привычка к бою. Посох скользнул вниз, ударил по стволу, и ружьё едва не вывернуло у меня из рук. Я отступил, поскользнулся на мелком крошечке кости и только чудом не рухнул.

– Уже лучше, – сказал Вейн. – Теперь хотя бы видно, что ты хочешь жить, а не просто возмущаешься обстоятельствами.

– А ты, значит, проверяешь характер? – выдохнул я.

– Я проверяю, останется ли от тебя что-нибудь, когда страх обглодает всё лишнее.

Он шагнул ближе.

Я отступил ещё на полшага и вдруг понял простую вещь: если продолжу пятиться, он загонит меня к стене и добьёт без всякой магии. Вейн тоже это знал. В его движениях не было спешки. Только расчёт.

Это злило сильнее страха.

Меня всю жизнь кто-то загонял к стене. Артур – долгами. Служба – приказами. Болезнь матери – безнадёжностью. Теперь ещё и дохлый император решил, что может отмерять мне последние шаги.

Нет уж.

Я резко ушёл вбок, выстрелил почти в упор не в грудь, а в руку с посохом. Заряд сорвал с костяного запястья два пальца. Посох глухо стукнулся о камень, но не выпал. Синий огонь в глазницах мертвеца полыхнул ярче.

И вот тогда он действительно разозлился.

Не закричал. Не бросился. Просто стал быстрее.

Посох описал короткую дугу и ударил меня под рёбра. Из лёгких вышибло весь воздух. Я согнулся, ослеп на секунду от боли и только по какой-то тупой животной привычке успел отдёрнуть голову, когда второй удар шёл уже в висок.

Наверное, именно в такие секунды человек и понимает, что смерть – это не высокие слова и не красивая пауза. Это просто один пропущенный удар.

Я рванулся вперёд, почти вцепился в него плечом, вцепился свободной рукой в древно посоха и дёрнул на себя.

Кости у него были холодные. Сухие. Но хватка – железная.

Мы на миг застыли почти вплотную. Синий огонь в его глазницах оказался совсем рядом.

– Вот теперь, – произнёс он тихо, – я начинаю видеть в тебе родство.

Я ударил лбом в череп.

Глупо. Грязно. Больно до искр в глазах.

Но сработало.

Голова мертвеца дёрнулась. Хватка ослабла ровно на столько, сколько было нужно. Я вырвал посох, отшвырнул его в сторону и шарахнул прикладом снизу вверх в челюсть. Череп щёлкнул. Половина зубов осыпалась по ступеням трона.

Вейн отступил на шаг.

Я ещё никогда в жизни не дрался с мёртвым императором, но дрался с людьми, которые были сильнее меня. Принцип везде один: если не можешь победить красиво, побеждай мерзко.

Он снова двинулся ко мне – уже без посоха, с пустыми костяными руками. И вот здесь стало ясно, что при жизни этот человек действительно знал толк в войне. Никакой суеты. Никаких широких замахов. Короткие, точные движения. Захват. Срыв равновесия. Удар туда, где живое тело ломается быстрее всего.

Мне пришлось забыть про страх и думать только о следующем вдохе.

Я пропустил удар в плечо. Что-то внутри нехорошо хрустнуло. Вцепился ему в предплечье. Получил коленом – вернее, тем, что у скелета заменяло колено, – в бедро. Мир качнулся. Я вбил локоть в сочленение его руки. Кость треснула. Он будто и не заметил. Схватил меня за ворот, рванул на себя и с такой силой впечатал в основание трона, что у меня потемнело в глазах.

Где-то на краю сознания я услышал голос Умбриса.

«Не бей туда, где человек. Бей туда, где держится воля».

– Очень вовремя, – прохрипел я, сплёвывая кровь.

Вейн навис надо мной.

– Он помогает тебе больше, чем помогал другим.

– Значит, я ему нравлюсь.

– Нет, – ответил император. – Просто времени у нас и правда мало.

Он ударил снова.

Я ушёл вниз, почти упал на колено и увидел то, чего не замечал раньше: под короной, у основания черепа, между шейными позвонками тянулась тонкая полоска синего света. Не пламя. Не кость. Что-то вроде нити, на которой всё это и держалось.

Кристалл на посохе. Огонь в глазницах. Нить в шее.

Вот оно.

Не убить – оборвать связь.

Он шагнул ко мне, уверенный, что я уже кончился. Я сделал то, что никогда не рискнул бы на тренировке и что в реальном бою обычно заканчивается глупой смертью: бросил в лицо мертвецу разряженное ружьё.

Не чтобы попасть.

Чтобы он на миг отвёл взгляд.

Сработало.

Ровно на миг.

Я рванулся за посохом, подхватил его обеими руками и, почти не чувствуя пальцев, с маху вогнал острый металлический край между короной и позвоночником.

Синий свет вспыхнул.

Не ярко. Не красиво. Наоборот – будто в сухих костях застонал лёд.

Вейн дёрнулся так резко, что посох едва не вылетел у меня из рук. Я навалился всем телом, вжал сильнее, чувствуя, как металл скребёт по древней кости.

Император замер.

Потом очень медленно поднял голову.

Синий огонь в глазницах погас не сразу. Он тускнел постепенно, как лампа в пустом доме.

– Да, – произнёс он уже совсем другим голосом, не царским и не мёртвым, а просто усталым. – Вот так.

Я не шевелился.

Не верил.

Боялся, что это ещё один трюк.

Но он не бил. Не пытался вырваться. Только стоял, опираясь на посох, который теперь скорее держал его, чем ранил.

– Ты понял, в отличие от остальных – сказал Вейн. – Не силу. Связь.

– И что теперь? – выдохнул я.

– Теперь ты либо добьёшь меня, либо выслушаешь.

У меня дрожали руки. Всё тело дрожало. От боли, злости, усталости – уже не разберёшь.

– Я, честно говоря, с трудом различаю варианты.

Вейн сухо усмехнулся. Странно было видеть усмешку на голом черепе, но она там всё-таки была – в голосе, в наклоне головы, в остатке той личности, что ещё держалась на синем пламени.

– Хорошо. Значит, ещё не совсем ослеп от страха и злости.

Он медленно отвёл мою руку с посоха в сторону. Я не мешал. Если бы он захотел убить меня прямо сейчас, уже убил бы.

Император повернулся к трону и сел обратно – тяжело, будто даже его мёртвой воле на это требовалось усилие.

Несколько мгновений в зале стояла только тишина. Факелы потрескивали. Где-то в глубине святилища ровно гудел камень.

Потом Вейн сказал:

– Ты ждал, что испытание будет про бой. Нет. Бой – только способ сорвать с человека лишнее. Настоящее испытание начинается после него. Когда ты уже понял, что можешь умереть, и всё равно должен сделать выбор.

Я поднял с пола ружьё. Беспольный теперь кусок дерева и металла. Привычка держать его в руках почему-то успокаивала.

– Если это была мягкая часть, то у вас с воспитанием совсем плохо.

– Империи редко строят хорошие люди.

Умбрис бесшумно подошёл ближе. Теперь он уже не казался волчонком. Нет, выглядел так же – маленький, чёрный, с красными глазами, – но я вдруг слишком ясно понял, что этот облик не настоящий. Просто удобный для меня.

– Значит, я прошёл?

«Ты дошёл», – ответил Умбрис. «Это не одно и то же».

– Замечательно. И в чём разница?

– В том, – сказал Вейн, – что пройти испытание можно один раз. А расплачиваться за него придётся всю оставшуюся жизнь.

Он указал за трон.

Каменная завеса, которую я раньше принял за стену, теперь просвечивала изнутри сетью тусклых зелёных жил. Руны на ней шевелились, будто были не высечены, а медленно ползли по поверхности.

– За этой преградой внутреннее святилище, – произнёс император. – Сердце здешней печати. Ты уже знаешь главное: она держится на крови, воле и памяти. Но есть и то, чего Умбрис тебе не сказал.

Волк недовольно рыкнул.

– Потому что он всегда говорит только то, что помогает делу, – продолжил Вейн. – А я, напротив, слишком давно мертв и разучился беречь чужие нервы. Так что слушай внимательно, потомок.

Я промолчал.

– Когда мы замыкали Девять Печатей, мы не просто отсекали магию от мира, Мы вырывали из ткани мира целые слои бытия, чтобы дарги не могли держаться здесь так, как держались прежде. Пути между мирами схлопнулись. Источники обмелели. То, чем пользовались маги, боги, жрецы и твари из-за Грани, было загнано под печати, как вода под лёд.

Его голос стал тише.

– Но вода помнит русло. Всегда. Ты живёшь в веке, который считает себя естественным. Он не естественный. Он искалеченный. Мир без магии – не здоровый мир, а мир на перевязи.

У меня пересохло во рту.

– А если снять печать правильно?

– Тогда перевязь спадёт не сразу. Иначе плоть разорвёт. Нужен носитель крови, нужен меч, нужна воля, способная принять удар на себя и пропустить его дальше по узлам. Поэтому меч не просто артефакт. Он – ключ, сосуд и кандалы в одном обличье.

Я невольно посмотрел на зелёную завесу.

– И ты хочешь, чтобы я его взял.

– Нет, – сказал Вейн. – Я хочу, чтобы ты сначала понял цену.

Это прозвучало так неожиданно, что я уставился на него.

– Разве не в этом весь смысл? Привести меня сюда, сунуть меч в руки и надеяться, что всё как-нибудь решится?

– Это смысл Умбриса, – сухо ответил император. – Он сторож. Сторожа думают о воротах. Я же думаю о том, кого через них выпускают.

Умбрис тихо, почти по-звериному вздохнул.

«Я ждал слишком долго, Вейн».

– Знаю.

В этих двух словах было столько усталости, что я впервые по-настоящему поверил: они действительно просидели здесь века. Не в красивом мифе. В камне, в темноте, в затянувшемся долге, который пережил всех, ради кого его брали.

И впервые мне стало их жаль.

Немного.

Сразу после этого я возненавидел себя за эту жалость, потому что именно они притащили меня сюда как барана на древний алтарь.

– Допустим, – сказал я. – Я захожу туда. Что меня ждёт?

Император не ответил сразу.

Потом произнёс:

– Меч узнает тебя раньше, чем ты коснёшься рукояти.

– Узнает?

– В клинок вплетена не только сила. Там отпечатана воля того, кто замкнул печать. Моя. И то, что осталось от тени Умбриса. Если в тебе достаточно крови, меч откликнется. Если недостаточно – оттолкнёт. Если же крови хватит, но душа окажется слабее жадности... тогда ты возьмешь его не как наследник, а как вор. А это закончится плохо.

– Насколько плохо?

Вейн посмотрел мне прямо в глаза.

– Сначала для тебя. Потом для остальных.

Отлично.

Просто отлично.

Я провёл ладонью по лицу, чувствуя на коже пыль, пот и кровь.

– Вы оба, кажется, плохо понимаете одну вещь. Я не герой из ваших легенд. Я не просил ни крови, ни трона, ни конца света. Я ехал сюда, потому что у меня мать умирает, а в кармане долг, от которого легче сразу лечь под поезд. Всё. Вот мой великий замысел.

– Именно поэтому ты ещё можешь подойти к мечу, – сказал Вейн. – Люди, которые с рождения мечтают о судьбе, почти всегда ломаются первыми.

Умбрис поднял голову.

«Тебя привела нужда. Нужда честнее славы».

– Нужда, – повторил я. – Хорошее слово. Только толку от неё мало.

Император поднял руку, и зелёные руны на завесе дрогнули.

– Толк будет или не будет – это ты узнаешь сам. Я открою проход. Но запомни: с этого шага никто уже не будет вести тебя за руку. Ни я. Ни он. Ни кровь предков.

– Как мило.

– И ещё одно, – добавил Вейн. – Не верь первой мысли, которую нашепчет тебе меч. Такие вещи всегда говорят тем голосом, который человек больше всего хочет услышать.

От этого замечания мне стало совсем нехорошо.

Завеса медленно разошлась, как размыкаются губы старой раны.

За ней лежало святилище.

Нет – не зал. Не комната. Именно святилище. Место, которое строили не для людей и не под человеческий страх. Огромное круглое пространство уходило вниз и вверх одновременно, как будто я стоял на краю каменного колодца, вывернутого наизнанку. Колонны поднимались из пола, терялись во мраке и снова проступали отражением в чёрном блеске стен. По камню тянулись руны – тысячи, десятки тысяч рун. Они не сияли ярко. Наоборот, свет их был слабым, большим, как жар у умирающего.

Я шагнул через порог – и сразу почувствовал это.

Давление.

Не на тело. На мысли.

Словно кто-то огромный, старый и бесконечно уставший перевёл на меня внимание.

Я остановился.

Сердце ударило раз, другой.

В центре святилища, над круглой плитой, висел меч.

Никаких молний. Никакого торжественного света. Он просто висел в воздухе, удерживаемый тонкими зелёными нитями, которые тянулись к нему со всех сторон, уходя в руны пола, стен и колонн.

Клинок был тёмный, почти чёрный, но не мёртвый. По металлу едва заметно шли золотистые прожилки, будто внутри когда-то текло расплавленное солнце, а потом его заперли и заставили остыть. Рукоять была обмотана потемневшей кожей. На гарде – тот самый знак из трёх расходящихся кругов.

Я не мог отвести взгляд.

И в тот же миг понял страшную вещь: меч тоже смотрит на меня.

Не глазами.

Не магией как в балаганных историях.

Просто в голове вдруг стало тесно. Как будто туда вошла чужая память, слишком большая для человеческого черепа.

Руины.

Огонь.

Вой.

Волк на ступенях.

Кровь на ладонях.

Белый свет, в котором исчезает имя.

Я зажмурился и сделал шаг назад.

Нет.

Это было не моё.

«Наследник».

Голос пришёл не сзади. Не спереди. Изнутри.

Тот же голос, каким иногда называют тебя в детстве во сне, и ты не можешь вспомнить, кто говорил – отец, мать или кто-то, кого давно нет.

«Ты пришёл поздно».

Я стиснул зубы.

– Иди к чёрту.

Собственный голос прозвучал тихо и жалко.

«Ты пахнешь страхом. Нуждой. Нищетой. Смертью близкого человека. Ты не за миром пришёл. Ты пришёл торговаться».

Каждое слово било точно туда, куда не надо.

Пальцы сами сжались в кулаки.

– А за чем сюда должен был прийти человек? За славой? За короной? За красивой гибелью?

Меч не отвечал.

Но давление в голове стало сильнее, и я вдруг понял: он не разговаривает. Он просто вынимает из меня то, что уже есть, и заставляет смотреть без привычной лжи.

Да.

Я пришёл торговаться.

С судьбой. С древностью. С любимым богом, который согласился бы обменять чужое проклятие на жизнь моей матери.

И оттого было особенно мерзко слышать эту правду здесь, среди рун и мёртвых клятв.

Я оглянулся.

Вейн и Умбрис остались за порогом. Они не заходили. Только смотрели.

Значит, дальше и правда сам.

Ну что ж.

Я медленно двинулся к центру.

Каждый шаг давался труднее предыдущего. Руны под сапогами едва заметно теплились. В висках гудело. Плечо болело так, будто его кто-то вкручивал глубже в сустав. Я чувствовал себя не наследником древнего рода, а побитой собакой, которая по ошибке забралась в царскую усыпальницу.

Наверное, в этом и была правда.

До меча оставалось шагов десять, когда я снова остановился.

Лич сказал правду: они что-то утаивали.

Не в словах даже. В интонации. В том, как оба слишком внимательно следили именно за этим моментом.

Я присмотрелся к нитям, что удерживали клинок, и увидел: они идут не только от пола.

Часть тянулась дальше, в темноту, к таким же незримым узлам за пределами зала. Вверх. Вглубь. В стороны. Словно этот один меч был связан с чем-то гораздо большим, чем местная гробница.

Девять Печатей.

Девять Домов.

Девять узлов.

Если выдернуть этот клинок просто так, дрогнет не только это место.

Вот почему они боялись.

Вот почему Вейн говорил о цене.

Вот почему Умбрис так долго искал не просто потомка, а того, кто сможет выдержать.

Я остановился на самом краю круга.

– Скажи хотя бы сейчас, – произнёс я, не оборачиваясь. – Если я возьму его, что потеряю?

Тишина.

Потом голос Вейна, тихий и очень ясный:

– Что-то такое, без чего прежним уже не останешься.

Отличный ответ.

Честный, бесполезный и по-своему страшнее прямого.

Я засмеялся. Один раз. Коротко.

– Ладно. Значит, как всегда.

И вытянул руку.

Пальцы ещё не коснулись рукояти, а меч уже дрогнул.

По всему залу прошёл низкий гул. Не звук даже – отклик камня, который вспомнил своё назначение. Зелёные нити натянулись. Руны вспыхнули сильнее. На миг я увидел сквозь их свет ещё что-то: тени волков по краям круга, будто восемь силуэтов их проекции появились в этом зале. Вокруг меня.

А внутри меня что-то оборвалось.

Не больно.

Просто я вдруг отчётливо понял: назад и правда уже не будет.

Ни к прежним долгам. Ни к прежнему страху.

Ни к тому человеку, который летел сюда ради денег.

Я сомкнул пальцы на рукояти.

Холод. Не металлический. Не могильный.

Холод смысла, который слишком велик для одного человека.

Мир качнулся.

Где-то далеко, очень далеко, словно за краем неба, что-то ответило на это прикосновение. Не гром. Не взрыв. Скорее треск льда на реке в первый день оттепели – когда ещё ничего не видно, но все уже понимают: движение началось.

Руны по полу пошли волной.

Зелёные нити лопались одна за другой. Волки начали исчезать.

Меч рванулся вверх, потом вниз, будто сам выбирал, остаться ему частью печати или стать оружием в живой руке.

Я стиснул зубы и потянул на себя.

На мгновение мне показалось, что вместе с клинком я вытаскиваю целую эпоху.

Свет ударил по глазам.

Не снаружи – изнутри черепа.

Руины. Башни в огне. Дарги под багровым небом. Чёрный волк на ступенях.

Император, вонзающий клинок в центр печати.

И поверх всего этого – одна-единственная мысль, чужая и всё же уже наполовину моя:

Держи. И я удержал.

Когда зрение вернулось, я стоял на коленях в центре круга, сжимая меч обеими руками. Нити исчезли. Руны вокруг ещё тлели, но уже не так, как прежде. Не как клетка. Как открытый замок.

Клинок был тяжёлым.

Тяжелее, чем должен быть меч такого размера.

И дело было не в металле.

Я чувствовал, как он отзывается на кровь в ладонях, как будто проверяет меня заново, уже без свидетелей и церемоний.

Где-то за спиной Умбрис тихо, почти неслышно выдохнул.

А Вейн сказал:

– Началось.

Я медленно поднялся.

Руки дрожали. Сердце колотилось так, будто сейчас разорвёт рёбра. По коже шёл жар, хотя воздух святилища оставался ледяным.

– И что теперь? – спросил я.

Собственный голос показался чужим.

Император смотрел на меня долго.

– Теперь, Алексей Вейн, тебе придётся решать, что делать с наследством, которое твой век не просил, но уже получил.

Глава 4 Последствие

Я огляделся.
Е

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.